

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МЕТАКУЛЬТУРА

//Этническое многообразие в условиях социальных трансформаций: сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2010. – 100 с. С.54 – 58.

Принцип толерантности настолько же сложно оспаривать, насколько трудно утверждать. Чем более современное общество пытается утвердить этот принцип в качестве основания межкультурных и межличностных отношений, тем ярче обнаруживается противоречивость, а потому и неустойчивость этого основания. Основная проблема многим исследователям видится в том, что остаются не проясненными условия возможности данного принципа. В этой статье мы попытаемся представить идею метакультуры в качестве условия возможности толерантности.

В большинстве случаев аргументация апологетов и противников толерантности строится, исходя из текущего положения дел, в то время как существо проблемы кроется в основаниях этой концепции. Во введении к сборнику «Толерантность – ускользающая добродетель», отражающему современное состояние либерально-философской мысли по указанной проблеме, Дэвид Хейд отмечает, что толерантности как духовной и политической ценности уже более 300 лет. Однако почти сразу он признает, что «... нашей вере в ценность толерантности не сопутствует соответствующая теоретическая убежденность» [7, с.3]. Принципиальное затруднение, по Хейду, состоит в том, что не удастся предъявить феноменологический образец толерантности (образцовый случай). Например, можно ли говорить о толерантности, в случае терпимого отношения родителей к образу жизни и моде своих детей?

Неоднозначность в понимании толерантности, с точки зрения Хейда, проистекает из оппозиции морального абсолютизма и плюрализма. Хотя по сути своей, как указывает Л.М.Дробижева, толерантность — это «ценность воздержания от употребления своей силы во вред *принципиально*

неприемлемому отклонению» [4, с.16], либеральная философия, тем не менее, отдает себе отчет в том, что признание существования моральной истины делает «некоторые действия откровенно ‘интолерабельными’» [7, с.3].

Для предлагаемого либеральной философией осмысления толерантности как духовной ценности значимы случаи, когда именно вера в моральный плюрализм, а не безразличие или соображения законности, выступает «основанием принятия образа жизни (или веры), отличающейся от моей собственной» [7, с.4]. Значимость веры в моральный плюрализм подчеркивает и Б.Вильямс, говоря о необходимости для граждан «разделять веру в систему саму по себе» [7, с.22], подразумевая под последней систему либерального плюрализма.

С другой стороны, если приближенно понимать толерантность как терпимость, то следует отметить, что в каждой национальной культуре были исторически выработаны собственные формы и концепции терпимости. Так, большинство культур снисходительно смотрит на нарушение обычаев поведения или одежды чужаками. В современном российском обществе, несмотря на все исторические перипетии, идеи терпимости существенным образом связаны с православной культурой. И потому попытки внедрить в общественное сознание моральные ценности, построенные на иных, подчас противоречащих православному мировоззрению основаниях (наподобие либеральной концепции «автономного индивида»), не могли не вызвать острой критики, нашедшей свое выражение, например, в открытом письме епископа Пермского и Соликамского Иринарха [6].

В то же время отметим, что традиционные для народной культуры формы терпимости, будучи по своей природе не рефлексивными (и даже, возможно, габитуальными) не могут выступать регулятивным принципом толерантного отношения в современных условиях глобализации. Мы все видели, как быстро знаменитое кавказское гостеприимство может перейти в резню инородцев, работоторговлю и т.д.

В нашей критике либеральной концепции толерантности будем исходить из того, что как духовная ценность она конституируется моральным плюрализмом. Сразу отметим, что концепция морального плюрализма даже на первый взгляд проблематична. Во-первых, моральный плюрализм может быть обоснован только привходящим образом, как это, собственно, и было в истории становления концепции толерантности: католики и протестанты попросту поняли, что их спор невозможно решить насилем, точнее, что оно грозит уничтожением всем сторонам. Во-вторых, будучи утверждаем в качестве всеобщей нормы, моральный плюрализм необходимо впадает в перформативное противоречие, признавая недопустимым то, что Хейд называет «абсолютизмом», т.е. моральные системы, исходящие из убежденности в существовании Абсолюта (а сюда попадают почти все мировые религии). Открытым также остается вопрос возможности морального плюрализма в рамках одной личности, поскольку он находится в антиномическом противоречии с единством разумного мышления.

Плюрализм, полагаемый как способ обоснования толерантности, приводит к утверждению в рамках этой концепции ценности сохранения культурного многообразия. Однако ценность Другого самого по себе фактически не осмысливается в рамках либеральной модели толерантности, он ценен лишь как элемент многообразия. Например, современные формы сохранения культуры аборигенных народов Северной Америки, Дальнего Востока и т.п. приводят, по существу, к их консервации, поскольку вопрос о том, зачем нам их сохранять и что именно в них стоит сохранять, попросту не ставится...

Но даже если принять концепцию толерантности и обосновывающий ее моральный плюрализм, нерешенным остается вопрос границ толерантного отношения к Другому. Это тесно связано с проблематичностью объекта толерантного отношения, отмеченной Хейдом: понимания того, к чему можно относиться толерантно, а к чему нельзя. Такая ситуация, на наш взгляд, связана с ошибочным выбором логики решения: проблема границ толерантности до сих

пор рассматривается, главным образом, в политико-правовом дискурсе. Так, «Декларация принципов толерантности», принятая ЮНЕСКО, в п.1.2 утверждает, что толерантность не может служить основанием нарушения «универсальных прав и основных свобод человека». Но дело в том, что юридический принцип полагания границ не соответствует самой природе духовных ценностей, на включение в разряд которых претендует толерантность. Юридический и политический дискурсы исходят из социальной обусловленности человека, принадлежат сфере практического действия, а вырабатываемые в них нормы вменяются субъекту внешним образом. Хейд же указывает, что толерантность нужно рассматривать как «ценность восприятия» [7, с. 11], т.е. существенным образом относящуюся к внутренней жизни субъекта. Следовательно, она должна быть осмыслена в рамках морального дискурса, специфику которого Кант усматривал именно в человеческой свободе чувства, мысли и суждения. Таким образом, непротиворечиво помыслить толерантность как духовную ценность можно только в логике человеческой свободы, в логике личности и межличностных отношений.

В то же время, мы, полагаем, что неотрефлексированность ценности инаковости Другого в либеральной концепции толерантности вкупе с опорой на теории «автономного индивида» и морального плюрализма приводит к искаженному пониманию самой природы личности. Напомним, что ее идея зародилась в лоне христианской культуры. В этой связи мы выдвигаем в качестве альтернативы юридизму либеральной философии концепцию метакультуры.

Метакультура возможна только как основанный на природе личности рефлексивный выход за границы культурных форм. Однако осознание человеком своей личностной природы невозможно вне присутствия личности Другого. Важнейшей характеристикой бытия личности выступает то, что она находится в отношении и, прежде всего, в отношении к другой личности. Фундаментальная для понимания личности роль межличностного,

интерсубъективного была глубоко осмыслена современным христианским (прежде всего православным) персонализмом в лице митр. Иоанна Зизиуласа, Х.Яннараса и др.

Таким образом, метакультура — это такое состояние культуры, при котором рефлексивно открывается ее зависимость от «сверхкультурного» личностного, прежде всего, творческого, потенциала, а точнее — этики творчества личности [2, с.182], где личность понимается, главным образом, в своей экстатической соотнесенности с Иным [5]. Именно здесь может получить основание ценность Другого, ценность многообразия личностей. Напомним, что Хейд постулировал толерантность как ценность восприятия, но на самом деле она возможна только когда Другой предстает не как субъект права или политики, а как личность. В этом смысле нужно постулировать сохранение не культурного, а личностного многообразия.

Говоря о границах толерантности в культуре, в качестве таковых может быть указана диссипация базовых традиций культуры (например, навязывание русской культуре ценностей «общества потребления» ведет к размытию аутентичных ей идеалов подвижничества). Однако сама по себе культура не способна к выявлению собственных оснований, точнее, предельным для неё уровнем осознания будет традиция [1, с.127]. Для того чтобы осознать основания самой традиции, необходим иной уровень — уровень метакультуры, на котором логика и порядок культуры дополняется и замещается «порядком этики личности» [2, с.182]. В метакультуре базовый принцип бытия культуры — принцип дара — становится принципом межкультурного взаимодействия [2, с.256]. Как таковой он невозможен вне личности, выходящей за границы форм своей культуры, поскольку только в этом случае реализуется символическая природа дара, его неотчуждаемость и способность к качественному обогащению культуры. Яркий пример: творчество А.С.Пушкина, в лице которого богатство русской народной культуры встретилось с французской литературой. Результатом этой встречи, пережитой на глубочайшем

личностном уровне, и стал народный гений великого поэта, в свою очередь оказавший фундаментальное влияние на всю последующую русскую культуру. Иными словами, «метакультура это та *вертикаль*, которая позволяет человеку творить и создать культурные произведения, тиражируемые далее в *горизонтали* обычной культуры» [3, с.109]. Тем самым, в концепции метакультуры получает обоснование культурное многообразие и необходимость его сохранения, поскольку оно есть принципиальное условие возможности творчества нового.

Таким образом, концепция метакультуры, построенная на принципах Личности, Дара и Общения, способна выступить новым основанием концепции толерантности, причем основанием в подлинном смысле слова: которое больше обосновываемого и потому, в числе прочего, способно полагать пределы самой толерантности.

Литература

1. Ячин С.Е. Состояние метакультуры // Философия и культура. (Научный журнал Института философии РАН). 2008. №7. С.126-139.
2. Ячин С.Е. Состояние метакультуры. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 268 с.
3. Ячин С.Е. Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред // Личность. Культура. Общество (Международный журнал социальных и гуманитарных наук) . 2010, т.12. Вып.1. №53-54. С.108–116.
4. Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М.Дробижева. — М.: Изд-во Института социологии РАН. 2003. – 222 с.
5. Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос. – М.: РОССПЭН, 2005. – 480 с.
6. Открытое письмо епископа Пермского и Соликамского Иринарха ко всем согражданам, руководителям учреждений образования и культуры, руководителям губернской и областной администрации. Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=872>

7. Toleration: An Elusive Virtue / Ed. by D. Heyd. – Princeton University Press, 1996. – 243 p.